

САША ЧЁРНЫЙ ОБСТАНОВКА

Саша Чёрный

Обстановочка (сборник)

«Public Domain»

Чёрный С.

Обстановочка (сборник) / С. Чёрный — «Public Domain»,

Легенда русской сатиры и тонкого юмора, сотрудник знаменитого «Сатирикона», человек с безукоризненным вкусом – Саша Чёрный (А. М. Гликберг, 1880–1932) прожил не очень долгую, но очень насыщенную жизнь, в которую вместились многое. И неслыханная слава и популярность (по свидетельству современников, «не было такой курсистки, такого студента, такого врача, адвоката, учителя, инженера, которые не знали бы его стихов наизусть»), и Первая мировая война, куда он ушел добровольцем и участвовал в боях (он и умер как настоящий солдат и поэт – спасая людей во время пожара), и революция, которую он категорически не принял, и долгие годы скитаний по дорогам эмиграции. Но в любых обстоятельствах Саша Чёрный всегда оставался настоящим поэтом – зорким, ироничным, искренним. Именно поэтому его стихи дошли до наших дней и читаются сейчас так, как будто их написал наш современник. В. Набоков точно подметил это: «От него осталось только несколько книг и тихая, прелестная тень». В этой книге представлены все грани творчества этого уникального поэта, удивительным образом соединившего в своих стихах беспощадную, едкую сатиру с подлинным, изысканным лиризмом.

Содержание

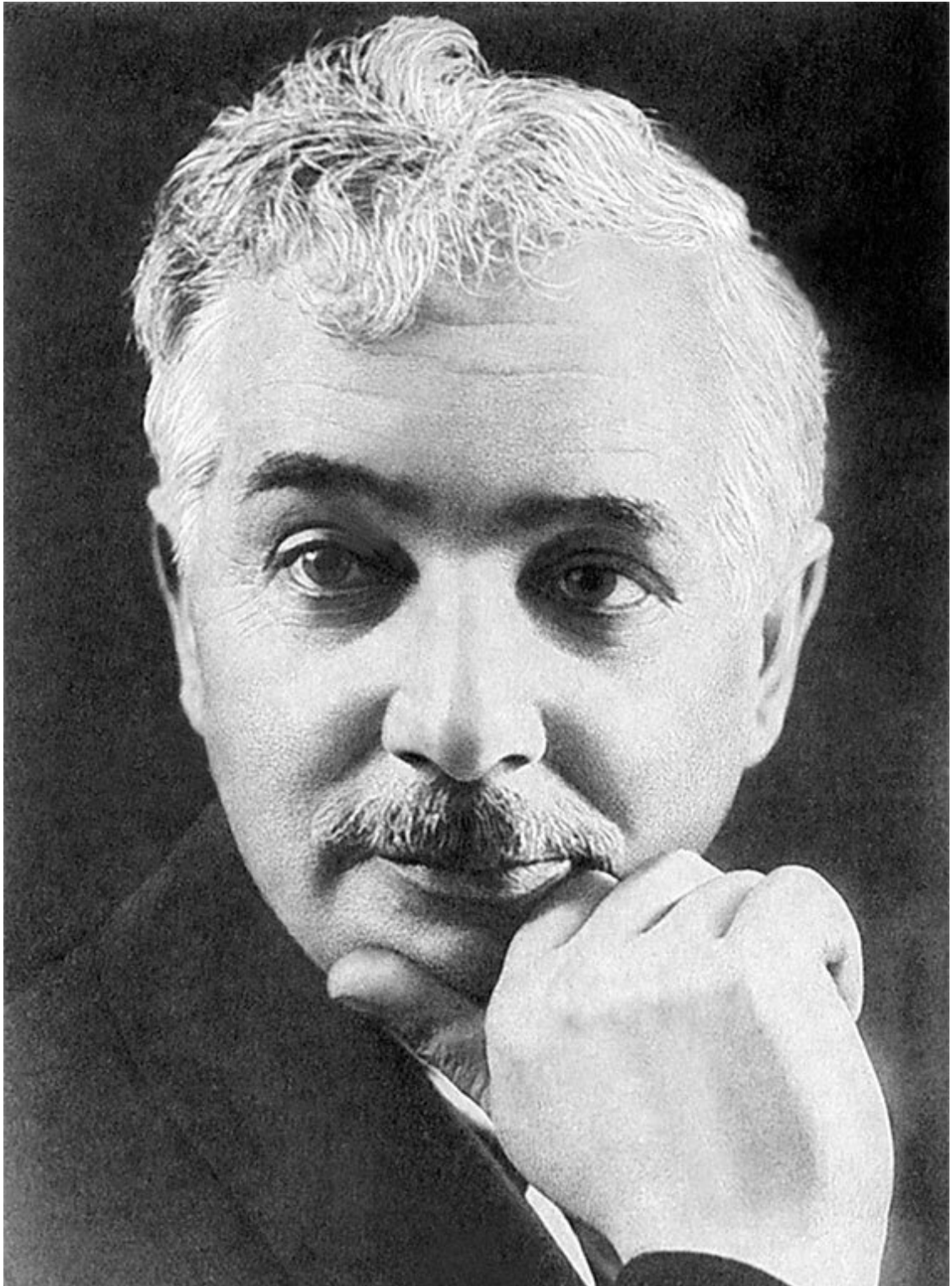
Я похож на улице на всякого...	6
Критику	10
Всем нищим духом	11
Ламентации	11
Пробуждение весны	13
Песня о поле	14
Анархист	15
До реакции	16
«Пьяный» вопрос	17
Слишком много	19
Читатели газет	20
На Елагином	22
«Все в штанах, скроённых одинаково...»	23
Опять...	25
Культурная работа	26
Желтый дом	28
Зеркало	29
Споры	31
Интеллигент	32
1909	33
Два желания	35
1. «Жить на вершине голой...»	35
2. «Сжечь корабли и впереди, и сзади...»	35
Простые слова	36
Бессмертие	37
Утешение	38
Диета	39
Быт	40
Мясо	40
Всероссийское горе	42
Обстановочка	44
Служба сборов	45
Окраина Петербурга	47
На открытии выставки	48
Жизнь	49
На вербе	50
Пасхальный перезвон	51
Городская сказка	52
В гостях	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Саша Чёрный

Обстановочка (сборник)

Я похож на улице на всякого...

Геннадий Калашников

В воспоминаниях Марина Цветаева пишет о своей детской молитве перед сном:

«— Спаси, Господи, и помилуй папу, маму, няню, Асю, Андрюшу, Наташу, Машу и Андрея Белого...

– Ну, помолилась за Андрея Белого, теперь за Сашу Черного помолись!

Самое забавное, что нянька и не подозревала о существовании Саши Черного (а существовал ли он уже тогда, как детский поэт? 1916 год), что она его в противовес: в противоцвет Андрею Белому – сама сочинила...».

Для широких же кругов читающей публики Саша Черный – А.М. Гликберг (1880–1932) – в те годы несомненно существовал и был необычайно известен и популярен. По свидетельству Корнея Чуковского, в свежем номере «Сатирикона» читатели прежде всего искали стихи Саши Черного, «не было такой курсистки, такого студента, такого врача, адвоката, учителя, инженера, которые не знали бы их наизусть».

Действительно, стихи Саши Черного задевали не только самые злободневные общественные темы и настроения времени, но и самые потаенные, скрытые. Он словно говорил за читателя то, о чем тот мучительно раздумывал, но боялся не только сказать, но даже признаться себе в этих мыслях.

Где наше – близкое, милое, кровное?
Где наше – свое, бесконечно любовное?
Гучковы, Дума, слякоть, тьма, морошка...
Мой близкий! Вас не тянет из окошка
Об мостовую брякнуть шалой головой?
Ведь тянет, правда?

Считается, что только хорошо зная прошлое, можно понять настоящее. Наверно, для историка это так. Поэзия же всегда вслушивается в будущее, пытается провидчески рассказать о нем, объяснить из будущего нынешний день. Саша Черный был настоящим поэтом. Что ждало Россию в самом ближайшем будущем? Революция 1905 года, Первая мировая война, кровавый хаос октябрьского переворота, долгие годы тоталитарного режима. Может быть, в предчувствии всего этого так карикатурно текла российская жизнь: неудачная внутренняя и внешняя политика, Думская «говорильня», крушение надежд на обновление жизни толкали одних к самоубийству, других в объятия самой откровенной рутины и пошлости, как сказали бы мы сегодня – «попсы». Вопросы пола, болезненное воспевание смерти и всего связанного с нею, всяческие мистические поветрия, крикливое «новаторство» в искусстве, а в итоге – пошлое существование, черносотенство, нравственное оскудение...

Дух свободы... К перестройке
Вся страна стремится,
Полицейский в грязной Мойке
Хочет утопиться.

Не топись, охранный воин,
Воля улыбнется!
Полицейский! Будь покоен —
Старый гнет вернется...

Какая знакомая фразеология, какой убедительный сарказм, как все это живо и как близко нашему времени!

Саша Черный безжалостно и насмешливо предлагал своему ближнему посмотреть в зеркало («С выпученными глазами и облизывающийся – вот моя внешность» – писал современник поэта, мыслитель В.В. Розанов) и ужаснуться, поэт словно читал его мысли, говорил его голосом – и какое же мелкотравчатое и безликое существо возникало в его едких, колючих,

точных стихах: «Все в штанах, скроённых одинаково, при усах, в пальто и в котелках. Я похож на улице на всякого и совсем теряюсь на углах...»

Сатирическая беспощадность, мгновенный – и, как правило, саркастический – отклик на те или иные «модные веяния», неподражаемое чувство юмора, самоирония – поэт нередко отождествляет себя с объектом своих сарказмов и этим словно бы смягчает свои желчные сатиры, – все это делало Сашу Чёрного одним из самых востребованных, самых читаемых писателей своего времени.

Но известность сатирика и юмориста не вскружила ему голову. Он тяготился громкой славой «обличителя, бичующего пороки». Его больше заботило то, что слава эта заслоняла другие грани его творчества. Более того, маска, которую он надевал, выдавая себя за махрового обывателя, порой принималась за его истинное лицо. А между тем в его творчестве все настойчивее звучали и мягкие, лирические ноты, совершенно не противоречащие его сатирическому дару. Наверно, во всей отечественной поэзии трудно отыскать столь органичный сплав сатиры и лирики, который явлен нам в творчестве этого поэта. Здесь фигура Саши Чёрного поистине уникальна.

«Хочу отдохнуть от сатиры... У лиры моей есть тихо дрожащие, легкие звуки...». Стремление расширить звучание своей лиры, выявить все грани своего таланта заставляло поэта все сосредоточеннее вглядываться в себя, искать истинно поэтическое решение «трудных вопросов», не отделяясь – пусть ярким и хлестким – стихотворным фельетоном на злобу дня. И лирик в его творчестве ничуть не уступает сатирику.

Невозможно не упомянуть и его дар детского поэта, он много и успешно писал для детей. Вообще, дети это отдельная – нежная и грустная – тема его творчества, может быть, наиболее сильно выразившаяся в стихотворении «Мой роман», «Кто любит прачку, кто любит маркизу...». Словом, он всегда и во всем оставался настоящим поэтом. Читатель сможет убедиться в этом – в небольшой книге, которую он держит в руках, представлены все грани поэтического творчества Саши Чёрного.

И снова придется вернуться к провидческой природе поэзии. Поэт словно прозревал свою грядущую поэтическую, человеческую судьбу, потому-то так стремился расширить свой диапазон, добавить как можно больше красок в свою палитру. Сатирические стихи, лирика, стихи для детей, прозаические опыты... Все это ему понадобилось в нелегко сложившейся жизни.

В первые же дни начавшейся Первой мировой войны вольноопределяющийся А.М. Глиберг явился на призывной пункт и почти сразу же отправился на фронт. Пронзительные, достоверные стихи о войне, о ее тяготах и незаметном, настоящем героизме, несомненно, одна из вершин не только его творчества, но и всей отечественной поэзии о войне. Пожалуй, как заметил Д. Быков, только Николай Гумилев видел и пережил войну так близко и так жестко-осознано, как Саша Чёрный. Стихи не смогли вместить весь этот нелегкий военный опыт, и уже в эмиграции он напишет «Солдатские сказки», где снова попытается осмыслить пережитое на войне. К прозе он обращался часто и охотно, добиваясь от нее, как и от стихов, предельно ясного и чистого звучания.

Война не была последним горьким испытанием для поэта. Пожалуй, тяжелее и горше войны стало для него испытание эмиграцией. «Новую послеоктябрьскую Россию я видел месяца четыре... Какой стаж необходим, чтобы иметь право суждения об этой Не-России?» Прежняя Россия, где расцвел его талант, исчезла безвозвратно. Поэт во многом повторил судьбу типичного русского скитальца-эмигранта: Германия, Италия, Франция, негустые литературные заработки, ностальгия. В стихах, написанных в эмиграции, он пытается воссоздать навсегда утраченную Россию, вспомнить и удержать ее в слове, понимая всю обреченность таких попыток.

Если уши закрыть и не слушать чужие слова
И поверить на миг, что за ельником русские дети, —
Как угрюмо потом, колыхаясь, бормочет трава
И зеленые ветви свисают, как черные плети...

Он еще не раз обратится к своему излюбленному и проверенному сатирическому дару, откликаясь на нравы буржуазной среды и на то, что происходило в коммунистической России, и среди этих насмешливых, беспощадных памфлетов немало удачных. Чего, например, стоит «Сказка про красного бычка». Вспомнит он в стихах и своего соратника по «Сатирикону» Аркадия Аверченко, а в ряде стихотворений, посвященных А. Куприну, с которым поэт близко дружил, нарисует «русскими красками» немного идиллические картины былого. И в лирике он не утратил свежесть восприятия, остроту чувств, к ним еще добавилась и житейская умудренность, стоическое восприятие всего сущего.

О Тебе, волнуясь, вспоминаем, —
Это все, что здесь мы сберегли...
И встает бывшее светлым раем,
Словно детство в солнечной пыли...

У него было еще много творческих планов, когда его жизнь внезапно оборвалась. Человек, смотревший на войну в глаза смерти, он не мог пройти мимо чужой беды: в местечке на юге Франции, где он жил летом, случился пожар. Саша Черный принял участие в его тушении, а вернувшись домой, умер от сердечного приступа. Смерть солдата, смерть поэта...

Такую писательскую судьбу, наверно, можно назвать удачной, ведь несмотря на жизненные невзгоды, преследовавшие его еще с отроческих лет, на годы войны, на несладкое эмигрантское житье-бытье Саша Черный всегда верно и честно служил литературе, не отступался от своих жизненных и творческих принципов, не предавал и не разменивал свой немалый талант. Именно поэтому он и интересен нынешнему читателю, его творчество достойно выдержало испытание временем.

Нельзя не согласиться со словами В. Набокова, которому Саша Черный мягко и благожелательно помогал в начале его писательского пути: «От него осталось только несколько книг и тихая, прелестная тень».

Критику

Когда поэт, описывая даму,
Начнет: «Я шла по улице.
В бока впился корсет...», —
Здесь «я» не понимай, конечно, прямо —
Что, мол, под дамою скрывается поэт.
Я истину тебе по-дружески открою:
Поэт – мужчина. Даже с бородою.

<1909>

Всем нищим духом

Ламентации

Хорошо при свете лампы
Книжки милые читать,
Пересматривать эстампы
И по клавишам бренчать, —

Щекоча мозги и чувство
Обаяньем красоты,
Лить душистый мед искусства
В бездну русской пустоты...

В книгах жизнь широким пиром
Тешит всех своих гостей,
Окружая их гарниром
Из страданья и страстей:

Смех, борьба и перемены,
С мясом вырван каждый клочок!
А у нас... углы да стены
И над ними потолок.

Но подчас, не веря мифам,
Так событий личных ждешь!
Заболеть бы, что ли, тифом,
Учинить бы, что ль, дебош?

В книгах гений Соловьевых,
Гейне, Гёте и Золя,
А вокруг от Ивановых
Содрогается земля.

На полотнах Магдалины,
Сонм Мадонн, Венер и Фрин,
А вокруг – кривые спины
Мутноглазых Акулин.

Где события *нашей* жизни,
Кроме насморка и блох?
Мы давно живем, как слизи,
В нищете случайных крох.

Спим и хнычем. В виде спорта,
Не волнуясь, не любя,

Ищем Бога, ищем черта,
Потеряв самих себя.

И с утра до поздней ночи
Все, от крошек до старух,
Углубив в страницы очи,
Небывалым дразнят дух.

В звуках музыки – страданье,
Боль любви и шепот грез,
А вокруг одно мычанье,
Стоны, храп и посвист лоз.

Отчего? Молчи идохни.
Рок – хозяин, ты – лишь раб.
Плюнь, ослепни и оглохни,
И ворочайся, как краб!

.

Хорошо при свете лампы
Книжки милые читать,
Перелистывать эстампы
И по клавишам бренчать.

1909

Пробуждение весны

Вчера мой кот взглянул на календарь
И хвост трубою поднял моментально,
Потом подрал на лестницу, как встарь,
И завопил тепло и вакханально:
«Весенний брак! Гражданский брак!
Спешите, кошки, на чердак...»

И кактус мой – о, чудо из чудес! —
Залитый чаем и кофейной гущей,
Как новый Лазарь, взял да и воскрес
И с каждым днем прет из земли все пуще.
Зеленый шум... Я поражен:
«Как много дум наводит он!»

Уже с панелей смерзшуюся грязь,
Ругаясь, скалывают дворники лихие,
Уже ко мне забрел сегодня «князь»,
Взял теплый шарф и лыжи беговые...
«Весна, весна! – пою, как бард. —
Несите зимний хлам в ломбард».

Сияет солнышко. Ей-богу, ничего!
Весенняя лазурь спугнула дым и копоть.
Мороз уже не щиплет никого,
Но многим нечего, как и зимою, лопать...
Деревья ждут... Гниет вода,
И пьяных больше, чем всегда.

Создатель мой! Спасибо за весну! —
Я думал, что она не возвратится, —
Но... дай сбежать в лесную тишину
От злобы дня, холеры и столицы!
Весенний ветер за дверьми...
В кого б влюбиться, черт возьми?

<1909>

Песня о поле

«Проклятые» вопросы,
Как дым от папиросы,
Рассеялись во мгле.
Пришла Проблема Пола,
Румяная фефёла,
И ржет навеселе.

Заерзали старушки,
Юнцы и дамы-душки
И прочий весь народ.
Виват, Проблема Пола!
Сплетайте вокруг подола
Веселый «Хоровод».

Ни слез, ни жертв, ни муки...
Подыдем знамя-брюки
Высоко над толпой.
Ах, нет доступней темы!
На ней сойдемся все мы —
И зрячий и слепой.

Научно и приятно,
Идейно и занято —
Умей момент учесть:
Для слабенькой головки
В проблеме-мышеловке
Всегда приманка есть.

1908

Анархист

Жил на свете анархист,
Красил бороду и щеки,
Ездил к немке в Териоки
И при этом был садист.

Вдоль затылка жались складки
На багровой полосе.
Ел за двух, носил перчатки —
Словом, делал то, что все.

Раз на вечере попович,
Молодой идеалист,
Обратился: «Петр Петрович,
Отчего вы анархист?»

Петр Петрович поднял брови
И, багровый, как бурак,
Оборвал на полуслове:
«Вы невежа и дурак!»

<1910>

До реакции

Пародия

Дух свободы... К перестройке
Вся страна стремится,
Полицейский в грязной Мойке
Хочет утопиться.

Не топись, охранный воин, —
Воля улыбнется!
Полицейский! Будь покоен —
Старый гнет вернется...

<16 февраля 1906>

«Пьяный» вопрос

Мужичок, оставьте водку,
Пейте чай и шоколад.
Дума сделала находку:
Водка – гибель, водка – яд.

Мужичок, оставьте водку,
Водка портит Божий лик,
И уродует походку,
И коверкает язык.

Мужичок, оставьте водку,
Хлеба Боженька подаст
После дождичка в субботу...
Или «ближний» вам продаст.

Мужичок, оставьте водку,
Может быть (хотя навряд),
Дума сделает находку,
Что и голод тоже яд.

А пройдут еще два года —
Дума вспомнит: так и быть,
Для спасения народа
Надо тьму искоренить...

Засияет мир унылый —
Будет хлеб и свет для всех!
Мужичок, не смейся, милый,
Скептицизм – великий грех.

Сам префект винокурений
В Думе высказал: «Друзья,
Без культурных насаждений
С пьянством справиться нельзя...»

Значит... Что ж, однако, значит?
Что-то сбились мы слегка, —
Кто культуру в погреб прячет?
Не народ же... А пока —

Мужичок, глушите водку,
Как и все ее глушат,
В Думе просто драло глотку
Стадо правых жеребят.

Ах, я сделал сам находку:
Вы культурней их во всем —
Пусть вы пьете только водку,
А они коньяк и ром.

Начало 1908

Слишком много

Слишком много резонерства
И дешевого фразерства,
Что фонтаном бьет в гостиных
В монологах скучно-длинных, —
Слишком много...

Слишком много безразличных,
Опустившихся, безличных,
С отупевшими сердцами,
С деревянными мозгами, —
Слишком много...

Слишком много паразитов,
Изуверов, иезуитов,
Патриотов-волкодавов,
Исполнителей-удавов, —
Слишком много...

Слишком много терпеливых,
Растерявшихся, трусливых,
Полувзглядов, полумнений,
Бесконечных точек зрений, —
Слишком много...

Слишком много слуг лукавых,
Крайних правых, жертв кровавых,
И растет в душе тревога,
Что терпения у Бога
Слишком много!

<1908>

Читатели газет

Дороден. Блестящее темя.
В чинах. К подчиненным суров.
Читает он «Новое время»,
Не любит армян и жидов.

Ассессор, сгибающий выю,
Фантом канцелярских бумаг,
Смиренно читает «Россию» —
Инако не мыслит. И благ.

Пенсне на носу деловые.
На чреве цепочка-массив.
Он держит в руках «Биржевые»,
А в мыслях — «актив» и «пассив».

Кто между Харибдой и Сциллой
Умеет свой челн уберечь
И болен крамольной бациллой —
Читает коварную «Речь».

Но кто он — простак, обыватель
(Его очернить не берусь!),
Кто конкурсных премий искатель,
Читающий «Новую Русь»?!

Лишенный особой приметы
Купец, дворянин иль плебей —
В листах «Петербургской газеты»
Находит богатство идей.

Приказчик, швейцар, полицейский,
Трактир, живорыбный садок,
Ремесленник, писарь армейский, —
Для них — «Петербургский листок».

Смазные ботфорты, рубаха
И волос, подстриженный в круг.
В смятенье понятного страха
Вы зрите «союзника» вдруг.

Он дико вращает глазами,
Вздуваются жилы на лбу...
И, комкая «Русское знамя»,
Рычит он: «Жида!.. Расшибу!..»

<1909>

На Елагином

Не справляясь с желаньем начальства,
Лезут почки из сморщенных палок,
Под кустами – какое нахальство! —
Незаконное скопище галок.
Ручейков нелегальные шайки
Возмутительно действуют скопом
И, бурля, заливают лужайки
Лиловатым, веселым потопом.
Бесцензурно чирикают птицы,
Мчатся стаи беспаспортных рыбок,
И Нева контрабандно струится
В лоно моря для бешеных сшибок...
А вверху, за откосом, моторы
Завели трескотню-перестрелку
И, воня бензином в просторы,
Бюрократов уносят на Стрелку.
Отлетают испуганно птицы,
Рог визжит, как зарезанный боров,
И брезгливо-обрюзгшие лица
Хмуро смотрят в затылки шоферов.

<1912>

«Все в штанах, скроённых одинаково...»

Это не было сходство, допустимое даже в лесу, – это было тождество, это было безумное превращение одного в двоих.

Л. Андреев.

«Проклятие зверя»

Все в штанах, скроённых одинаково,
При усах, в пальто и в котелках.
Я похож на улице на всякого
И совсем теряюсь на углах...

Как бы мне не обменяться личностью:
Он войдет в меня, а я в него, —
Я охвачен полной безразличностью
И боюсь решительно всего...

Проклинаю культуру! Срываю подтяжки!
Растопчу котелок! Растерзаю пиджак!!
Я завидую каждой отдельной букашке,
Я живу, как последний дурак!..

В лес! К озерам и девственным елям!
Буду лазить, как рысь, по шершавым стволам.
Надоело ходить по шаблонным панелям
И смотреть на подкрашенных дам!

Принесет мне ворона швейцарского сыра,
У заблудшей козы надою молока.
Если к вечеру станет прохладно и сыро,
Обложу себе мохом бока.

Там не будет газетных статей и отчетов.
Можно лечь под сосной и немножко повыть,
Иль украсть из дупла вкусно пахнущих сотов,
Или землю от скуки порыть...

А настанет зима – упираться не стану:
Буду голоден, сир, малокровен и гол —
И пойду к лейтенанту, к приятелю Глану:
У него даровая квартира и стол.

И скажу: «Лейтенант! Я – российский писатель,
Я без паспорта в лес из столицы ушел,
Я устал как собака и – веришь, приятель, —
Как семьсот аллигаторов зол!

Люди в городе гибнут, как жалкие слизи,
Я хотел свою старую шкуру спасти.
Лейтенант! Я бежал от бессмысленной жизни
И к тебе захожу по пути...»

Мудрый Глан ничего мне на это не скажет,
Принесет мне дичины, вина, творогу...
Только пусть меня Глан основательно свяжет,
А иначе – я в город сбегу.

<1908>

Опять...

Опять опадают кусты и деревья,
Бронхитное небо слезится опять,
И дачники, бросив сырые кочевья,
Бегут, ошалевшие, вспять.

Опять, перестроив и душу, и тело
(Цветочки и летнее солнце – увь!),
Творим городское, ненужное дело
До новой весенней травы.

Начало сезона. Ни света, ни красок,
Как призраки, носятся тени людей, —
Опять одинаковость сереньких масок
От гения до лошадей.

По улицам шляется смерть. Проклинает
Безрадостный город и жизнь без надежд,
С презрением, зевая, на землю толкает
Несчастных, случайных невежд.

А рядом духовная смерть свирепеет
И сослепу косит, пьяна и сильна.
Всё мало и мало – коса не тупеет,
И даль безнадежно черна.

Что будет? Опять соберутся Гучковы
И мелочи будут, скучая, жевать,
А мелочи будут сплетаться в оковы,
И их никому не порвать.

О, дом сумасшедших, огромный и грязный!
К оконным глазницам припал человек:
Он видит бесформенный мрак безобразный,
И в страхе, что это навек,

В мучительной жажде надежды и красок
Выходит на улицу, ищет людей...
Как страшно найти одинаковость масок
От гения до лошадей!

<1908>

Культурная работа

Утро. Мутные стекла как бельма,
Самовар на столе замолчал.
Прочел о визитах Вильгельма
И сразу смертельно устал.

Шагал от дверей до окошка,
Барабанил марш по стеклу
И следил, как хозяйская кошка
Ловила свой хвост на полу.

Свистал. Рассматривал тупо
Комод, «Остров мертвых», кровать.
Это было и скучно и глупо —
И опять начинал я шагать.

Взял Маркса. Поставил на полку.
Взял Гёте – и тоже назад.
Зевая, подглядывал в щелку,
Как соседка пила шоколад.

Напялил пиджак и пальтишко
И вышел. Думал, курил...
При мне какой-то мальчишка
На мосту под трамвай угодил.

Сбежались. Я тоже сбежался.
Кричали. Я тоже кричал,
Махал рукой, возмущался
И карточку приставу дал.

Пошел на выставку. Злился.
Ругал бездарность и ложь.
Обедал. Со скуки напился
И качался, как спелая рожь.

Поплелся к приятелю в гости,
Говорил о холере, добре,
Гучкове, Урьеле д'Акосте —
И домой пришел на заре.

Утро... Мутные стекла как бельма.
Кипит самовар. Рядом «Русь»
С речами того же Вильгельма.
Встаю – и снова тружусь.

<1908>

Желтый дом

Семья – ералаш, а знакомые – нытики,
Смешной карнавал мелюзги,
От службы, от дружбы, от прелой политики
Безмерно устали мозги.
Возьмешь ли книжку – муть и мразь:
Один кота хоронит,
Другой слюнит, разводит грязь
И сладострастно стонет...

Петр Великий, Петр Великий!
Ты один виновней всех:
Для чего на север дикий
Понесло тебя на грех?
Восемь месяцев зима, вместо фиников – морошка,
Холод, слизь, дожди и тьма – так и тянет из окошка
Брякнуть вниз о мостовую одичалой головой...
Негодую, негодую... Что же дальше, Боже мой?!

Каждый день по ложке керосина
Пьем отраву тусклых мелочей...
Под разврат бессмысленных речей
Человек тупеет, как скотина...

Есть парламент, нет? Бог весть,
Я не знаю. Черти знают.
Вот тоска – я знаю – есть,
И бессилье гнева есть...
Люди ноют, разлагаются, дичают,
А постылых дней не счесть.

Где наше – близкое, милое, кровное?
Где наше – свое, бесконечно любовное?
Гучковы, Дума, слякоть, тьма, морошка...
Мой близкий! Вас не тянет из окошка
Об мостовую брякнуть шалой головой?
Ведь тянет, правда?

<1908>

Зеркало

Кто в трамвае, как акула,
Отвратительно зевает?
То зевает друг-читатель
Над скучнейшей газетой.

Он жует ее в трамвае,
Дома, в бане и на службе,
В ресторанах, и в экспрессе,
И в отдельном кабинете.

Каждый день с утра он знает,
С кем обедал Франц-Иосиф
И какую глупость в Думе
Толстый Бобринский сморозил...

Каждый день, впиваясь в строчки,
Он глупеет и умнеет:
Если автор глуп – глупеет,
Если умница – умнеет.

Но порою друг-читатель
Головой мотает злобно
И ругает, как извозчик,
Современные газеты.

«К черту! То ли дело Запад
И испанские газеты...»
(Кстати – он силен в испанском,
Как испанская корова.)

Друг-читатель! Не ругайся,
Вынь-ка зеркальце складное.
Видишь – в нем зловеще меркнет
Кто-то хмурый и безликий?

Кто-то хмурый и безликий,
Не испанец, о, нисколько,
Но скорее бык испанский,
Обреченный на закланье.

Прочитай: в глазах-гляделках
Много ль мыслей, смеха, сердца?
Не брани же, друг-читатель.
Современные газеты...

<1908>

Споры

Каждый прав и каждый виноват.
Все полны обидным снисхождением
И, мешая истину с глумленьем,
До конца обидеться спешат.

Эти споры – споры без исхода,
С правдой, с тьмой, с людьми, с самим собой,
Изнуряют тщетною борьбой
И пугают нищенством прихода.

По домам бессильно разбираясь,
Мы нашли ли собственный ответ?
Что ж слепые наши «да» и «нет»
Разбрелись, убого спотыкаясь?

Или мысли наши – жернова?
Или спор – особое искусство,
Чтоб, калеча мысль и теша чувство,
Без конца низать случайные слова?

Если б были мы немного проще,
Если б мы учились понимать,
Мы могли бы в жизни не блуждать,
Словно дети в незнакомой роще.

Вновь забытый образ вырастает:
Притаилась Истина в углу,
И с тоской глядит в пустую мглу,
И лицо руками закрывает...

<1908>

Интеллигент

Повернувшись спиной к обманувшей надежде
И беспомощно свесив усталый язык,
Не раздевшись, он спит в европейской одежде
И храпит, как больной паровик.

Истомила Идея бесплодием интрижек,
По углам паутина ленивой тоски,
На полу вороха неразрезанных книжек
И разбитых скрижалей куски.

За окном непогода лютеет и злится...
Стены прочны, и мягок пружинный диван.
Под осеннюю бурю так сладостно спится
Всем, кто бледной усталостью пьян.

Дорогой мой, шепни мне сквозь сон по секрету,
Отчего ты так страшно и тупо устал?
За несбыточным счастьем гонялся по свету
Или, может быть, землю пахал?

Дрогнул рот. Разомкнулись тяжелые вежды,
Монотонные звуки уныло текут:
«Брат! Одну за другой хоронил я надежды.
Брат! От этого больше всего устают.

Были яркие речи и смелые жесты
И неполных желаний шальной хоровод.
Я жених непришедшей прекрасной невесты,
Я больной, утомленный урод».

Смолк. А буря всё громче стучалась в окошко.
Билась мысль, разгораясь и снова таясь.
И сказал я, краснея, тоскуя и злясь:
«Брат! Подвинься немножко».

1908

1909

Родился карлик Новый Год,
Горбатый, сморщенный урод,
Тоскливый шут и скептик,
Мудрец и эпилептик.

«Так вот он – милый Божий свет?
А где же солнце? Солнца нет!
А впрочем, я не первый,
Не стоит портить нервы».

И люди людям в этот час
Бросали: «С Новым Годом вас!»
Кто честно заикаясь,
Кто кисло ухмыляясь...

Ну как же тут не поздравлять?
Двенадцать месяцев опять
Мы будем спать и хныкать
И пальцем в небо тыкать.

От мудрых, средних и ослов
Родятся реки старых слов,
Но кто еще, как прежде,
Пойдет кутить к надежде?

Ах, милый, хилый Новый Год,
Горбатый, сморщенный урод!
Зажги среди тумана
Цветной фонарь обмана.

Зажги! Мы ждали много лет —
Быть может, солнца вовсе нет?
Дай чуда! Ведь бывало
Чудес в веках немало...

Какой ты старый, Новый Год!
Ведь мы равно наоборот
Считать могли бы годы,
Не исказив природы.

Да... Много мудрого у нас...
А впрочем, с Новым Годом вас!
Давайте спать и хныкать
И пальцем в небо тыкать.

1908

Два желания

1. «Жить на вершине голой...»

Жить на вершине голой,
Писать простые сонеты...
И брать от людей из дола
Хлеб, вино и котлеты.

2. «Сжечь корабли и впереди, и сзади...»

Сжечь корабли и впереди, и сзади,
Лечь на кровать, не глядя ни на что,
Уснуть без снов и, любопытства ради,
Проснуться лет через сто.

<1909>

Простые слова

Памяти Чехова

В наши дни трехмесячных успехов
И развязных гениев пера
Ты один, тревожно-мудрый Чехов,
С каждым днем нам ближе, чем вчера...

Сам не веришь, но зовешь и будишь,
Разрываешь ямы до конца
И с беспомощной усмешкой тихо судишь
Оскорбивших землю и Отца.

Вот ты жил меж нами, нежный, ясный,
Бесконечно ясный и простой, —
Видел мир наш хмурый и несчастный,
Отравлялся нашей наготой.

И ушел! Но нам больней и хуже:
Много книг, о, слишком много книг!
С каждым днем проклятый круг всё уже
И не сбросить «чеховских» вериг...

Ты хоть мог, вскрывая торопливо
Гнойники, — смеяться, плакать, мстить, —
Но теперь всё вскрыто. Как тоскливо
Видеть, зная, не ждать и молча гнить!

<1910>

Бессмертие

Бессмертье? Вам, двуногие кроты,
Не стоящие дня земного срока?
Пожалуй, ящерицы, жабы и глисты
Того же захотят, обидевшись глубоко...

Мещане с крылышками! Пряники и рай!
Полвека жрали – и в награду вечность...
Торг не дурен. «Помилуй и подай!»
Подай рабам патент на бесконечность.

Тюремщики своей земной тюрьмы,
Грызущие друг друга в каждой щели,
Украли у пророков их псалмы,
Чтоб бормотать их в храмах раз в неделю...

Нам, зрячим, – бесконечная печаль,
А им, слепым, – бенгальские надежды,
Сусальная сияющая даль,
Гарантированные брачные одежды!..

Не кланчите! Господь и мудр, и строг, —
Земные дни бездарны и убоги,
Не пустит вас Господь и на порог,
Сгниете все, как падаль, у дороги.

<1922>

Утешение

Жизнь бесцветна? Надо, друг мой,
Быть упорным и искать:
Раза два в году ты можешь,
Как король, торжествовать...

Если где-нибудь случайно —
В маскараде иль в гостях,
На площадке ли вагона,
Иль на палубных досках —
Ты столкнешься с человеком
Благородным и простым,
До конца во всем свободным,
Сильным, умным и живым,
Накупи бенгальских спичек,
Закажи оркестру туш,
Маслом розовым намажься
И прими ликерный душ!

Десять дней ходи во фраке,
Нищим сто рублей раздай,
Смейся в горьком умиление
И от радости рыдай...

Раза два в году – не шутка,
А при счастье – три и пять.
Надо только, друг мой бедный,
Быть упорным и искать.

<1922>

Диета

Каждый месяц к сроку надо
Подписаться на газеты.
В них подробные ответы
На любую немощь стада.

Боговздорец иль политик,
Радикал иль черный рак,
Гениальный иль дурак,
Оптимист иль кислый нытик —
На газетной простыне
Все найдут свое вполне.

Получая аккуратно
Каждый день листы газет,
Я с улыбкой благодатной,
Бандероли не вскрывая,
Аккуратно, не читая,
Их бросаю за буфет.

Целый месяц эту пробу
Я проделал. Оживаю!
Потерял слепую злобу,
Сам себя не истязая;
Появился аппетит,
Даже мысли появились...
Снова щеки округлились, —
И печенка не болит.

В безвозмездное владенье
Отдаю я средство это
Всем, кто чахнет без просвета
Над унылым отраженьем
Жизни мерзкой и гнилой,
Дикой, глупой, скучной, злой...

Получая аккуратно
Каждый день листы газет,
Бандероли не вскрывая,
Вы спокойно, не читая,
Их бросайте за буфет.

<1910>

Быт

Мясо

Шарж

Брандахлысты в белых брючках
В лаун-теннисном азарте
Носят жирные зады.

Вкруг площадки, в модных штучках,
Крутобедрые Астарты,
Как в торговые ряды,

Зазывают кавалеров
И глазами, и боками,
Обещая *всё* для *всех*.

И гирлянды офицеров,
Томно дрыгая ногами,
«Сладкий празднуют успех».

В лакированных копытах
Ржут пажи и роют гравий,
Изгибаясь, как лоза, —

На раскормленных досыта
Содержанок, в модной славе,
Щуря сальные глаза.

Щеки, шеи, подбородки,
Водопадом в бюст свергаясь,
Пропадают в животе,

Колыхаются, как лодки,
И, шелками выпираясь,
Вопиют о красоте.

Как ходячие шнель-клопсы,
На коротких, пухлых ножках
(Вот хозяек дубликат!)

Грандиознейшие мопсы
Отдыхают на дорожках
И с достоинством хрипят.

Шипр и пот, французский говор...
Старый хрен в английском платье
Гладит ляжку и мычит.

Дипломат, шпион иль повар?
Но без формы люди – братья, —
Кто их, к черту, различит?..

Как наполненные ведра,
Растопыренные бюсты
Проплывают без конца —

И опять зады и бедра...
Но над ними – будь им пусто! —
Ни единого лица!

Июль 1909
Гунгербург

Всероссийское горе

Всем добрым знакомым с отчаянием посвящаю

Итак – начинается утро.
Чужой, как река Брахмапутра,
В двенадцать влетает знакомый.
«Вы дома?» К несчастью, я дома.
В кармане послав ему фигу,
Бросаю немецкую книгу
И слушаю, вял и суров,
Набор из ненужных мне слов.
Вчера он торчал на концерте —
Ему не терпелось до смерти
Обрушить на нервы мои
Дешевые чувства свои.

Обрушил! Ах, в два пополудни
Мозги мои были как студни...
Но, дверь запирая за ним
И жаждой работы томим,
Услышал я новый звонок:
Пришел первокурсник-щенок.
Несчастный влюбился в кого-то...
С багровым лицом идиота
Кричал он о «ней», о богине,
А я ее толстой гусыней
В душе называл беспощадно...
Не слушал! С улыбкою стадной
Кивал головою сердечно
И мямлил: «Конечно, конечно».

В четыре ушел он... В четыре!
Как тигр я шагал по квартире,
В пять ожил и, вытерев пот,
За прерванный сел перевод.
Звонок... С добродушием ведьмы
Встречаю поэта в передней.
Сегодня собрат именинник
И просит дать взаймы полтинник.
«С восторгом!» Но он... остается!
В столовую томно плетется,
Извлек из-за пазухи кипу
И с хрипом, и сипом, и скрипом
Читает, читает, читает...
А бес меня в сердце толкает:
Ударь его лампою в ухо!

Всади кочергу ему в брюхо!

Квартира? Танцкласс ли? Харчевня?
Прилезла рябая девица:
Нечаянно «Месяц в деревне»
Прочла и пришла «поделиться»...
Зачем она замуж не вышла?
Зачем (под лопатки ей дышло!),
Ко мне направляясь, сначала
Она под трамвай не попала?
Звонок... Шаромыжник бродячий,
Случайный знакомый по даче,
Разделся, подсел к фортепьяно
И лупит. Не правда ли, странно?
Какие-то люди звонили.
Какие-то люди входили.
Боясь, что кого-нибудь плюхну,
Я бегал тихонько на кухню
И плакал за выюшкою грязной
Над жизнью своей безобразной.

<1910>

Обстановочка

Ревет сынок. Побит за двойку с плюсом.
Жена на локоны взяла последний рубль.
Супруг, убитый лавочкой и флюсом,
Подсчитывает месячную убыль.

Кряхтят на счетах жалкие копейки:
Покупка зонтика и дров пробила брешь,
А розовый капот из бумажейки
Бросает в пот склонившуюся плешь.

Над самой головой насвистывает чижик
(Хоть птичка Божия не кушала с утра).
На блюде киснет одинокий рыжик,
Но водка выпита до капельки вчера.

Дочурка под кроватью ставит кошке клизму,
В наплыве счастья полуоткрывши рот,
И кошка, мрачному предавшись пессимизму,
Трагичным голосом взволнованно орет.

Безбровая сестра в облезшей кацавейке
Насилует простуженный рояль,
А за стеной жиличка-белошвейка
Поет романс: «Пойми мою печаль!»

Как не понять?! В столовой тараканы,
Оставя черствый хлеб, задумались слегка,
В буфете дребезжат сочувственно стаканы,
И сырость капает слезами с потолка.

<1909>

Служба сборов

Начальник Акцептации сердит:
Нашел просчет в копейку у Орлова.
Орлов уныло бровью шевелит
И про себя бранится: «Ишь, бандит!»
Но из себя не выпустит ни слова.

Вокруг сухой, костлявый, drobный треск —
Как пальцы мертвецов, бряцают счеты.
Начальнической плечи строгий блеск
С бычачьим лбом сливается в гротеск, —
Но у Орлова любоваться нет охоты.

Канторщик Кузькин бесконечно рад:
Орлов на лестнице сказал его невесте,
Что Кузькин как товарищ — хам и гад,
А как мужчина — жаба и кастрат...
Ах, может быть, Орлов лишится места!

В соседнем отделении содом:
Три таксировщика, увлекшись чехардою,
Бодают пол. Четвертый же, с трудом
Соблазн преодолев, с досадой и стыдом
Им укоризненно кивает бороною.

Но в коридоре тьма и тишина.
Под вешалкой таинственная пара —
Он руки растопырил, а *она*
Щемящим голосом взывает: «Я жена...
И муж не вынесет подобного удара!»

По лестницам красавицы снуют,
Пышнее и вульгарнее гортензий.
Их сослуживцы «фаворитками» зовут —
Они не трудятся, не сеют — только жнут.
Любимицы Начальника Претензий...

В буфете чавкают, жуют, сосут, мычат.
Берут пирожные в надежде на прибавку.
Капуста и табак смешались в едкий чад.
Канторщицы ругают шоколад
И бюст буфетчицы, дрожащий на прилавке...

Второй этаж. Дубовый кабинет.
Гигантский стол. Начальник Службы Сборов,
Поймав двух мух, куда дела нет,

Пытается определить на свет,
Какого пола жертвы острых взоров.

Внизу в прихожей бывший гимназист
Стоит перед швейцаром без фуражки.
Швейцар откормлен, груб и неречист:
«Ведь грамотный, поди, не трубочист!
«Нет мест» – вон на стекле висит бумажка».

<1909>

Окраина Петербурга

Время года неизвестно.
Мгла клубится пеленой.
С неба падает отвесно
Мелкий бисер водяной.

Фонари горят как бельма,
Липкий смрад навис кругом,
За рубашку ветер-шельма
Лезет острым холодком.

Пьяный чуйка обнял нежно
Мокрый столб – и голосит.
Бесконечно, безнадежно
Кислый дождик моросит...

Поливает стены, крыши,
Землю, дрожки, лошадей.
Из ночной пивной всё лише
Граммфон хрипит, злодей.

«Па-ца-луем дай забвенье!»
Прямо за сердце берет.
На панели тоже пенье:
Проститутку дворник бьет.

Брань и звуки заушений...
И на них из всех дверей
Побежали светотени
Жадных к зрелищу зверей.

Смех, советы, прибаутки,
Хлипкий плач, свистки и вой
Мчится к бедной проститутке
Постовой городской.

Увели... Темно и тихо.
Лишь в ночной пивной вдали
Граммфон выводит лихо:
«Муки сердца утоли!»

<1910>

На открытии выставки

Дамы в шляпках «кэк-уоках».
Холодок публичных глаз,
Лица в складках и отеках,
Трены, перья, ленты, газ.
В незначительных намеках —
Штемпеля готовых фраз.

Кисло-сладкие мужчины,
Знаменитости без лиц,
Строят знающие мины,
С видом слушающих птиц
Шевелюры клонят ниц
И исследуют причины.

На стенах упорный труд —
Вдохновение и бездарность...
Пусть же мудрый и верблюд
Совершают строгий суд:
Отрицанье, благодарность
Или звонкий словоблуд...

Умиравший больной.
Фиолетовые свиньи.
Стая галок над копной.
Блюдо раков. Пьяный Ной.
Бюст молочницы Аксины,
И кобыла под сосной.

Вдохновенное Nocturno¹,
Рядом рыжий пиджачок,
Растопыренный над урной...
Дама смотрит в кулачок
И рассеянным: «Недурно!» —
Налепляет ярлычок.

Да? Недурно? Что – Nocturno?
Иль яичница-пиджак?
Генерал вздыхает бурно
И уводит даму. Так...
А сосед глядит в кулак
И ругается цензурно...

<1908>

¹ Ноктюрн (фр.). – Ред.

Жизнь

У двух проституток сидят гимназисты:
Дудиленко, Барсов и Блок.
На Маше – персидская шаль и монисто,
На Даше – боа и платок.

Оплыли железнодорожные свечи.
Увлёкшись азартным банчком,
Склоненные головы, шеи и плечи
Следят за чужим пяточком.

Играют без шулерства. Хочется люто
Порой игроку сплутовать.
Да жутко! В миг с хохотом бедного плута
Засунут силком под кровать.

Лежи, как в берлоге, и с завистью острой
Следи за игрой и вздыхай, —
А там на заманчивой скатерти пестрой
Баранки, и карты, и чай...

Темнеют уютными складками платья.
Две девичьих русых косы.
Как будто без взрослых здесь сестры и братья
В тиши коротают часы.

Да только по стенкам висят офицеры...
Не много ли их для сестер?
На смятой подушке бутылка мадеры,
И страшно затоптан ковер.

Стук в двери. «Ну, други, простите, к нам гости!»
Дудиленко, Барсов и Блок
Встают, торопясь, и без желчи и злости
Уходят готовить урок.

<1910>

На вербе

Бородатые чуйки с голодными глазами
Хрипло предлагают «животрепещущих докторов»,
Гимназисты поводят бумажными усами,
Горничные стреляют в суконных юнкеров.

Шаткие лари, сколоченные наскоро,
Холерного вида пряники и халва,
Грязь под ногами хлюпает так ласково,
И на плечах болтается чужая голова.

Червонные рыбки из стеклянной обители
Грустно-испуганно смотрят на толпу.
«Вот замечательные американские жители —
Глотают камни и гвозди, как крупу!»

Писаря выражаются вдохновенно-изысканно,
Знакомятся с модистками и переходят на ты,
Сгущенный воздух переполнился писками,
Кричат бирюзовые бумажные цветы.

Деревья вздрагивают черными ветками,
Капли и бумажки падают в грязь.
Чужие люди толкутся между клетками
И месят ногами пеструю мазь.

<1909>

Пасхальный перезвон

Пан-пьян! Красные яички.
Пьян-пан! Красные носы.
Били-бьют! Радостные личики.
Бьют-били! Груды колбасы.

Дал-дам! Праздничные взятки.
Дам-дал! И этим и тем.
Пили-ели! Визиты в перчатках.
Ели-пили! Водка и крем.

Пан-пьян! Наливки и студни.
Пьян-пан! Боль в животе.
Били-бьют! И снова будни.
Бьют-били! Конец мечте.

<1909>

Городская сказка

Профиль тоньше камеи,
Глаза как спелые сливы,
Шея белее лилеи
И стан как у леди Годивы.

Деву с душою бездонной,
Как первая скрипка оркестра,
Недаром прозвали мадонной
Медички шестого семестра.

Пришел к мадонне филолог,
Фаддей Симеонович Смяткин.
Рассказ мой будет недолг:
Филолог влюбился по пятки.

Влюбился жестоко и сразу
В глаза ее, губы и уши,
Цедил за фразою фразу,
Томился, как рыба на суше.

Хотелось быть ее чашкой,
Братом ее или теткой,
Ее эмалевой пряжкой
И даже зубной ее щеткой!..

«Устали, Варвара Петровна?
О, как дрожат ваши ручки!» —
Шепнул филолог любовно,
А в сердце вонзились колючки.

«Устала. Вскрывала студента:
Труп был жирный и дряблый.
Холод... Сталь инструмента. —
Руки, конечно, иззябли.

Потом у Калинкина моста
Смотрела своих венеричек.
Устала: их было до ста.
Что с вами? Вы ищете спичек?

Спички лежат на окошке.
Ну, вот. Вернулась обратно,
Вынула почки у кошки
И зашила ее аккуратно.

Затем мне с подругой достались
Препараты гнилой пуповины.
Потом... был скучный анализ:
Выделение в моче мочевины...

Ах, я! Прошу извиненья:
Я роль хозяйки забыла, —
Коллега! Возьмите варенья —
Сама сегодня варила».

Фаддей Симеонович Смяткин
Сказал беззвучно: «Спасибо!»
А в горле ком кисло-сладкий
Бился, как в неводе рыба.

Не хотелось быть ее чашкой,
Ни братом ее и ни теткой,
Ни ее эмалевой пряжкой,
Ни зубной ее щеткой!

<1909>

В гостях
(Петербург)

Холостой стаканчик чаю

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.